

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Скачкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; evgeniyaska4kova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена множественной интенсификации непроецессуального признака, когда в неформальной коммуникации для усиления его качественно-количественной оценки используется комплекс языковых средств, прежде всего словообразовательных и лексических. В центре исследования находятся комбинации словообразовательных интенсификаторов, а именно редупликация и гиперпрефиксация, характерные в основном для заимствованных препозитивных формантов (*супер-, мега-, гипер-* и др.). В работе анализируются примеры множественной интенсификации, способствующей повышению экспрессивности и иллокутивной силы высказывания, а также снятию омонимии. Исследование проведено на материале данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, Генерального интернет-корпуса и интернет-источников.

Ключевые слова: словообразование; семантическая категория интенсивности; редупликация; гиперпрефиксация; интенсификатор; множественная интенсификация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-2

Для цитирования: Скачкова Е.В. Множественная интенсификация непроецессуального признака в современном русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 21–32.

MULTIPLE INTENSIFICATION OF NON-PROCEDURAL ATTRIBUTE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Evgeniya V. Skachkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; evgeniyaska4kova@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the multiple intensification of a non-procedural feature, when in informal communication a complex of linguistic means, primarily word-formative and lexical, is used to intensify its qualitative and quantitative evaluation. The study focuses on combinations of word-formative intensifiers, namely reduplication and hyperprefixation, characteristic mainly of borrowed

prepositional formants (*super-, mega-, hyper-, etc.*). The paper analyzes examples of multiple intensification that contribute to increasing the expressiveness of a statement and its illocutionary force, and eliminating homonymy. The study is based on the data extracted from the National Corpus of the Russian Language, General Internet-Corpus of Russian, and online sources.

Keywords: word formation; semantic category of intensity; reduplication; hyperprefixation; intensifier; multiple intensification

For citation: Skachkova E.V. (2025) Multiple Intensification of Non-Procedural Attribute in Modern Russian Language. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 21–32.

Введение

Семантика интенсивности неоднократно становились предметом лингвистических исследований¹. Тем не менее, статус семантической категории интенсивности (далее — СКИ) до сих пор трактуется неоднозначно. По отношению к базовым семантическим категориям, таким как качественность и количественность, СКИ может быть представлена или как субкатегория количественности [Бодуэн де Куртенэ 1963; Крылов 2005], или качественности [ТФГ 1996]², или как промежуточная, качественно-количественная, категория [Шейгал 1981; Родионова 2005].

Как самостоятельная семантическая категория СКИ рассматривается в работах С.Е. Родионовой [Родионова 2004, 2005], при этом важно подчеркнуть, что ее анализ ведется в русле Теории функциональной грамматики. Специфику СКИ на фоне других качественно-количественных категорий (градуальности, недискретного количества и меры признака) определяет субъективный компонент: СКИ тесно связана с категориями эмотивности, оценки и экспрессивности. Именно субъективная составляющая объясняет коммуникативно ориентированный характер данной категории: средства интенсификации в первую очередь привлекают внимание адресата к значимой, с точки зрения адресанта, информации. Так, один из исследователей семантики интенсивности, И.И. Туранский, называет интенсификаторы «датчиками напряжения», которые «сигнализируют прагматический пик высказывания, высвечивают коммуникативно наиболее весомые элементы» [Туранский 1990: 125].

¹ См. работы И.А. Бодуэна де Куртене, Ш. Балли, Э. Сепира, Д. Болинджера, М.А. Артемьевой, И.Г. Беручашивили, Л.Г. Воробьевой, Л.Я. Герасимовой, Т.Н. Григоренко, В.Д. Девкина, С.Д. Карповской, И.Ю. Кутейш, Г.П. Леонтьевой, А.Н. Ливановой, М.О. Лойко, В.П. Мусиенко, А.Н. Полянского, И.В. Ревенко, Х.Н. Савичевой, Е.Н. Сергеевой, И.И. Сушинского, И.И. Туранского, И.И. Убина и др.

² В [ТФГ 2005] явления интенсивности рассматриваются в рамках категории компаративности, которая в свою очередь считается подкатегорией качественности.

В то же время высокая степень интенсификации — отличительная черта русской речи. Так, А. Вежицкая отмечала, что «русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок» [Вежицкая 1997: 84]. Поэтому нередко встречается целый комплекс средств, направленный на интенсификацию одного и того же признака³. Например, в обычном предложении *На улице идет **очень сильный** ливень, лучше останься дома* представлены два интенсификатора и один интенсификат (лексема *ливень* содержит сему '*сильный*'), говорящий таким образом стремится максимально воздействовать на адресата⁴. Подобный прием «усиления усиления» в нашем исследовании мы называем множественной интенсификацией⁵.

Для того, чтобы описать случаи множественной интенсификации, встречающиеся в русском языке, необходимо рассмотреть структуру СКИ. Вслед за С.Е. Родионовой [Родионова 2004] мы полагаем, что данная категория образует отдельное функционально-семантическое поле интенсивности (далее — ФСПИ). ФСПИ имеет ядро, состоящее из лексических и словообразовательных показателей высокой степени проявления признака⁶. Лексические единицы могут быть представлены как интенсификаторами, «сообщающими» семантику интенсивности, так и интенсификатами — имплицитными выразителями интенсивности. Словообразовательные форманты со значением высокой степени проявления признака представляют многочисленный класс языковых единиц, различающихся морфемным статусом, стилистическими и функциональными

³ Еще академик В.В. Виноградов в отношении диминутивов (т.е. возможных средств деинтенсификации, представляющих обратную сторону СКИ) писал следующее: «...формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например: маленький домик; седенький старичок и т.п.)» [Виноградов 1986: 101].

⁴ Ср. у С.Е. Родионовой: «Включение интенсифицированных слов в текст должно, по замыслу говорящего, усилить его воздействие на собеседника — выполнить экспрессивную функцию. Коммуникативная цель интенсификации, таким образом, состоит не столько в том, чтобы показать, что признак превышает норму, сколько в том, чтобы «ввести в высказывание аффективный компонент значения, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки — отношение субъект–объект и тем самым более эффективно воздействовать на адресата» [Вольф 2002: 111]» [Родионова 2004: 311].

⁵ Множественная интенсификация может быть рассмотрена в свете закона семантического согласования ([Гак 2004; Всеволодова 1979; Милославский 1980] и др.), однако следует помнить, что закон семантического согласования носит более обязательный характер.

⁶ С точки зрения С.Е. Родионовой, ядро ФСПИ включает лексические, словообразовательные и морфологические средства. Однако мы склоняемся к тому, чтобы считать суффиксы *-ейший* и *-айший* не грамматическими показателями, а показателями словообразовательных типов.

особенностями, источником происхождения. К периферии относятся фонетические и некоторые синтаксические средства.

Задача настоящего исследования — рассмотреть явление множественной интенсификации с участием словообразовательных интенсификаторов и других единиц из ядра ФСПИ. Таким образом, рассматриваемые нами случаи могут быть представлены двумя типами комбинаций — комплексами единиц одного уровня и разных языковых уровней.

Множественная интенсификация на уровне словообразовательных единиц: редупликация

Содержание понятия «редупликация» до сих пор является дискуссионным вопросом в лингвистике. Редупликацию могут трактовать как синтаксическое явление, но, как справедливо отмечал С.В. Щербаков, «...явление удвоения имеет место в языке на всех ярусах: фонетическом, лексическом, грамматическом; затрагивает как материальную форму языкового знака, так и его содержание; существует на уровне системы и нормы; действует в сфере языковых единиц и их отношений» [Щербаков 1982: 108]. Под редупликацией традиционно понимается «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога... или целого корня» [ЛЭС: 408], которое «чаще... выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т. д.» [Там же]. Таким образом, редупликация может быть представлена как один из основных способов интенсификации признака.

Как способ русского словообразования прежде в русле диахронного анализа редупликация была подробно рассмотрена в исследовании О.Ю. Крючковой [Крючкова 2000]. О.Ю. Крючкова обращает внимание на то, что «...в русском языке на протяжении всего его исторического развития в словообразовательных подсистемах разных частей речи функционируют разнообразие модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще синонимических словообразовательных аффиксов» [Там же: 5]. Такое широкое понимание редупликации позволяет нам в рамках данной работы обращаться не только к повторам одной и той же морфемы-интенсификатора, но и рассматривать гиперпрефиксацию как частный случай редупликации.

Для кодифицированного литературного языка редупликация может быть допустима только в области повтора целых лексических единиц (например, *длинный-длинный забор*), в то время как повтор словообразовательного форманта, хоть и является узואльным, чаще все же нарушает языковую норму и встречается в неформальной коммуникации. Возможно, это связано с тем, что редупликация

характерна главным образом для заимствованных препозитивных формантов, существенная активизация которых происходит относительно недавно — с конца XX — начала XXI века.

Самым частотным формантом, который подвергается редупликации и в отсубстантивной, и в отаггективной деривации, следует признать формант *супер-*. Если производящее представлено именем существительным, то интенсифицируется в первую очередь положительная оценка того, что оно называет:

(1) *А когда в 73-м вышел суперсуперфильм «Семнадцать мгновений весны» и Копелян читал всего-навсего закадровый комментарий, в его ГОЛОС влюблялись не меньше, чем в самого Тихонова в роли Штирлица.* [Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001].

Кроме того, *супер-* иногда может быть редуплицирован многократно (*супер-супер-супер-удачный рецепт, супер-супер-супер-хороший снимок*) или даже с заменой начального элемента (*супер-пупер-известный меценат*⁷).

Несмотря на высокую частотность редупликативных комплексов именно с препозитивным формантом *супер-*, другие заимствованные словообразовательные интенсификаторы также могут участвовать в редупликации, в том числе многократной:

(2) *Торт вспомнила денрожденский, какой он был архиархишколадный, ууух!*

(3) *Хочу сказать, что мой сын гиперактивен. Точнее даже гипергипергиперактивен*

(4) *Ты мегамегапозитивный человек*

(5) *...в исполнении нашего веселого мегамегаталантливового друга...*

Среди исконных словообразовательных интенсификаторов подобное явление характерно для префикса *сверх-*, для которого, однако, НКРЯ фиксирует всего шесть примеров: *сверхсверхсущество, сверхсверхусилие, сверхсверхсуперсупербольшой, сверхсверхчеловек, сверхсверхнаглость, сверхсверхзадача*. Нетрудно заметить, что для некоторых из этих дериватов редупликация — это последовательное присоединение префиксов: существуют устойчивые дериваты *сверхчеловек* и *сверхзадача*, которые фиксируются лексикографическими источниками. В производном *сверхсверхчеловек*, по всей видимости, интенсифицируется комплекс признаков 'сила', 'воля' и т. п., в то время как в производном *сверхсверхзадача* первый компонент скорее выделяет идею-задачу среди прочих, менее важных для говорящего.

⁷ В современном русском языке подобная редупликация чаще всего представлена именно вариантом *супер-пупер-*, но встречаются и другие, например, *супер-дупер-* (транслитерированный англоязычный вариант) или *супер-друпер-*.

Таким образом, редупликация словообразовательных интенсификаторов — это характерная особенность функционирования заимствованных формантов, исконные интенсификаторы, даже префиксальные, в своем абсолютном большинстве в ней не участвуют.

Множественная интенсификация на уровне словообразовательных единиц: гиперпрефиксация

Термин «гиперпрефиксация» был встречен нами в работе А.А. Шишикиной [Шишикина 2010], в которой это явление представлено как окказиональный способ словообразования. Под гиперпрефиксацией мы понимаем одновременное (как правило) присоединение к производящей основе нескольких препозитивных формантов (нанизывание морфем на производящую основу)⁸, не несущее реального усиления признака: *супермегагипербольшой* имеет такое же значение, что и *супербольшой*. Для гиперпрефиксации существует довольно большое количество комбинаций. Так, в ГИКРЯ для наиболее распространенного начального компонента *супер-* встречаются около двух десятков сочетаний, наиболее частотным из которых является сочетание *супермега-* (оно встречается в 90 % случаев). При этом многие из комбинаций (например, *убер-супер-крутые шеф-повара* или *ультра-супер-мега-макро-смешная шутка*), представлены единичными вхождениями, что говорит об игровом характере этого явления. Кроме того, сочетания препозитивных формантов могут включать и такие морфемы, которые вовсе не являются интенсификаторами (*супер-квази-гипер-модная выставка*, единичный пример).

Конечно, исконные префиксы включаются в подобный процесс значительно реже. Чаще всего в таких морфемных комплексах встречается исконный префикс *сверх-*, который структурно очень похож на заимствованные словообразовательные интенсификаторы и тесно связан с препозитивным формантом *супер-*⁹. Тем не менее, было бы несправедливо утверждать, что в русском языке никогда

⁸ Стоит сказать, что иногда мы сталкиваемся с комбинацией аффиксов разного типа, как, например, в дериватах *супермегагеловещище* или *раскрасавище*. В подобных случаях следовало бы уточнить термин и назвать данное явление *гипер-аффиксацией*. Но в то же время мы должны отметить, что в подобных примерах скорее имеет место последовательное присоединение морфем, нежели присоединение комплексного дериватора, включающего и префикс(ы), и суффикс.

⁹ *Сверх-* в силу своей недостаточной обособленности от лексемы *сверх*, как и заимствованные препозитивные форманты-интенсификаторы, обладает не совсем определенным морфемным статусом. Кроме того, именно этот формант использовался для перевода с английского языка производных, в состав которых входил дериватор *super-* (*супер-*), их близость до сих пор отражается в сосуществовании терминов с варьирующимся префикс(оид)ом — *супербактерия* и *сверхбактерия*, *суперновая звезда* и *сверхновая звезда*.

не существовало гиперпрефиксации с участием исключительно исконных формантов: подобное явление возможно в комбинации *распре-* (и даже *распренаи-*). Довольно частотная, по данным НКРЯ, цепочка *распре-* встречается в источниках XIX века. Иногда она может осложнять редупликативную конструкцию или сочетаться с элативом: *распретолстый-толстый*, *темная-распретемная*, *распредобрейший*, *распрегорчайший*, *распречестнейший*, *распренаипользнейший* (единичный пример). Для XX–XXI веков подобных примеров в НКРЯ фиксируется уже очень мало — всего одиннадцать, при этом только два из них датированы второй половиной XX века и началом XXI века (оба этих примера представляют осложненную редупликативную конструкцию — *умную распреумную*, *длинные-распредлинные*).

ГИКРЯ также содержит немногочисленные вхождения, большая часть из которых представлена конструкцией *самый-распресамый*. Надо сказать, что лексема *самый* нередко встречается в качестве дополнительного интенсификатора в данных примерах (примерно половина вхождений представляет собой осложненную редупликативную конструкцию):

(6) У меня самое **распренормальное** чувство юмора

(7) Когда любой поступок, в том числе и самый **распредобрый**, совершается осознанно, после отбора вариантов...

(8) ...для меня дело самое **распреобычное**...

(9) А еще мне снова думается, что я толстая...**толстая-распретолстая**...всё, с едой завязываю...

Таким образом, гиперпрефиксация в современном русском языке обладает следующими особенностями. В большей степени она характерна для заимствованных формантов, при этом, как правило, первую позицию в цепочке занимает морфема *супер-*. Исконные префиксы также могут включаться в гиперпрефиксацию, хотя это происходит значительно реже. Большое число разнообразных по составу и количеству компонентов комбинаций, представленных единичными примерами, говорит об игровом и лингвокреативном потенциале этого процесса: состав препозитивных формантов может варьироваться и включать морфемы, которые не имеют интенсифицирующего значения (*квази-*, *турбо-*).

Множественная интенсификация: комбинация разноуровневых средств

Наиболее частотным типом множественной интенсификации представляется комбинация лексических и словообразовательных средств. Узуально одобренными являются комбинации с отсубстантивными дериватами, в состав которых входят суффиксы-аугментаторы (такие, как *-ищ-*, *-ин-*, *-ень* и т.п.). Если мы употребляем

производное *холодина*, то, вероятнее всего, атрибутом к нему выступают такие прилагательные, как *дикая, жуткая, ужасная, собачья*. При производном *кровища* часто употребляются глаголы *хлестать* и *хлынуть*, которые помимо интенсивности процессуального признака также указывают на количество вещества. *Жарень* будет *аномальной, дикой, жуткой, запредельной* и т. д. Среди подобных примеров интересны случаи, когда лексический интенсификатор также подвергается дополнительной интенсификации при помощи словообразовательного средства — *страшнучая жарень, здоровенный китище* и т. п.

В среднем комбинация лексических и словообразовательных интенсификаторов встречается в высказываниях с отсубстантивными аугментативами не менее чем в 25 % случаев. Такая частотность обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что суффиксы-аугментаторы, как правило, многозначны, это постепенно может приводить к потере экспрессивности и вследствие — к частичной утрате семантики интенсивности. Стертое значение высокой степени проявления признака требует от пишущего дополнительной интенсификации при помощи других языковых единиц. В некоторых случаях множественная интенсификация помогает снять омонимию. Так, в Словаре словообразовательных аффиксов русского языка суффикс *-ин(а)* представлен семью омонимами [ССЛАРЯ 2016]. И, например, в лексеме *рыбина* может быть выделен как суффикс сингулятива *-ин(а)*³, так и *-ин(а)*⁴ со значением увеличенного параметрического показателя:

(10) Сюда с третьего этажа переселилась белуга — самая большая наша *рыбина*.

Как кажется, именно наличие атрибута (*самая*) *большая* дает возможность адресату правильно идентифицировать значение деривата.

Несколько иначе выглядит комбинация лексического интенсификатора и заимствованного препозитивного форманта-интенсификатора:

(11) *очень супер-загадочные* круги на полях стали появляться и в Волгоградской области!

(12) Ты мне в нос тыкал «свЕдениями», утверждая, что они уж *очень супер-официальные*. Оказалось, что сам Источник заявляет, что информация СУГУБО СУБЪЕКТИВНАЯ.

(13) В общем это *очень супер-крутой* планишет и будет приятно очутить его под своей елкой.

(14) *Очень супер-классная атмосфера*) Спасибо организаторам, и всем, кто там был!)

(15) И все за *очень супер разумную* цену в 9999 русских рублей. Еще и торг обоснованный.

(16) И *очень-очень супер симпатичный!!!*

Если *здоровенный китище* вполне может быть узуальным, то подобные примеры причислить к нормативным сложно.

Кроме того, отдельно стоит сказать об усилителях, которые можно назвать универсальными, т. к. они не имеют выраженной оценочной валентности — это местоименные прилагательные *какой* и *такой*. Они одинаково частотно сочетаются с производными, включающими как заимствованные, так и исконные форманты, хотя сочетание с исконным дериватором все же представляется более естественным и поэтому предпочтительным:

(17) **Какой котяра...** Ягуар прямо!

(18) **...какая жарень!** Выбрался из дому на пол часа, теперь в себя прийти не могу. УЖОС!!!

(19) **....был чудный мартовский день!!! Первый раз 10 марта была такая теплынь)))** грелась на солнышке...

Для заимствованных интенсификаторов подобные конструкции менее характерны. Чаще встречаются примеры, когда конструкция выстраивается по схеме «словообразовательный интенсификатор + лексический усилитель + производящее»¹⁰, при этом в качестве производящего могут выступать и имена прилагательные, и имена существительные:

(20) А если ещё и любимый рядом, то это вообще **супер какая мечта**)

(21) Палыч, танцуй! **супер какой молодец**, здоровья и еще раз здоровья Виктору Павловичу!!!!

(22) ...выходит, что тяжелоатлетический пояс, штука — очень даже необходимая и **супер какая полезная!** Ага!

В качестве лексического усилителя в подобных случаях выступает только *какой*, что вполне закономерно отсылает нас к уже существующим узуальным конструкциям, начинающимся с *ужас как* или *ужас какой*. В то же время сам факт лексикализации морфемы, ее способность включаться в такие комбинации говорит нам о том, что ее следует признать полифункциональной¹¹.

¹⁰ В данном случае схема выстроена условно: предполагается, что мы имеем дело с начальным этапом лексикализации морфемы, так как полифункциональная единица *супер* в случае обособленного употребления имеет чистое оценочное значение ('очень хорошо, превосходно'), а здесь, очевидно, выступает как интенсификатор. Кроме того, мы не можем исключить следующий вариант трактовки подобных случаев: лексический усилитель *какой* «разрывает» производное с дериватором *супер-* (*супер какая мечта* < *супермечта*, *супер какой молодец* < *супермолдец* и *супер какая полезная* < *суперполезная*).

¹¹ Полифункциональность *супер-* проявляется и в его многозначности, и в способности этого препозитивного форманта выступать в качестве дериватора и в отыменной, и окказионально в отглагольной деривации, что представляется для современного русского языка большой редкостью. Кроме того, данная язы-

Заключение

Таким образом, множественная интенсификация представлена в современном русском языке широким кругом комбинаций языковых единиц, к числу которых относятся редупликация, гиперпрефиксация и комплексы разноуровневых интенсификаторов.

Редупликация одной и той же морфемы в абсолютном большинстве случаев характерна для заимствованных формантов, наиболее частотным среди которых является препозитивный формант *супер-*. Он может повторяться многократно (*супер-супер-супер-удачный*, *супер-супер-супер-хороший снимок* и т. д.) или с заменой начального слога одного из повторяющихся элементов (*супер-пупер-известный*, *супер-дупер-большой*, *супер-друпер-гениальный* и т. д.). Гиперпрефиксация, рассматриваемая нами как частный случай редупликации, обладает высоким лингвокреативным потенциалом: большая часть таких цепочек встречается в отдельных игровых примерах и иногда включает форманты, которые не являются интенсификаторами (*супер-квази-гипер-модная выставка*). В состав комплекса морфем при гиперпрефиксации могут входить и исконные интенсификаторы (*наи-супер-сверх-важнейшая*), но последние случаи единичны. Комбинации, включающие только исконные префиксы (типа *распредобрый*), в настоящее время почти не употребляются. Это позволяет нам считать гиперпрефиксацию отличительной особенностью функционирования заимствованных формантов-интенсификаторов.

Для исконных морфем более частотна множественная интенсификация с участием лексических и словообразовательных средств (*жуткая холодина*, *страшнющая жарень*, *здоровенный котяра*). Кроме того, в качестве атрибута в определенных конструкциях могут выступать усилители *какой* и *такой* (*Такая теплынь!*). Наше исследование показало, что дериваты с заимствованным формантом *супер-* плохо сочетаются с универсальным лексическим интенсификатором *очень*. В последние годы активизируется конструкция, где морфема *супер-* лексикализуется и сочетается с лексическим усилителем *какой* (*супер какой молодец*, *супер какая мечта*, *супер какая полезная*). Это позволяет сделать вывод о полифункциональном характере *супер-*.

Множественная интенсификация в первую очередь служит целям повышения экспрессивности высказывания. Адресант, играя с нормой, стремится привлечь внимание собеседника и увеличить иллокутивную силу высказывания. Тем не менее, в ряде случаев множественная интенсификация служит средством, обеспечивающим

ковая единица, лексикализуясь, способна занимать разные позиции — и наречия, и аналитического прилагательного, и предикатива, и частицы.

надежность восприятия адресатом информации: она помогает снять омонимию и эксплицирует семантику интенсивности в тех единицах, которые имеют стертый экспрессивный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 311–324.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
5. Всеволодова М.В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. М., 1979. № 1. С. 103–113.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
7. Крылов С.А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 44–65.
8. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
9. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
10. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. С. 150–168.
11. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 300–313.
12. ССлАРЯ = Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка (сост. В.В. Лопатин, И.С. Улуханов). М., 2016.
13. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
14. ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
15. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дисс... канд. филол. наук. М., 1981.
16. Шишикина А.А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2. С. 302–307.
17. Щербаков С.В. О месте редупликации в языковой структуре // Лексико-фразеологические исследования русского языка. Фрунзе, 1982.

REFERENCES

1. Boduen de Kurtene I.A. Kolichestvennost' v yazykovom myshlenii [Quantification in language thinking] // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. T. 2. Moscow, 1963, pp. 311–324.
2. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1997.
3. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, 1986.
4. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. Moscow, 2002.
5. Vsevolodova M.V. O semanticheskom soglasovanii glagolov i imennyh temporal'nyh rasprostranitelej // Voprosy yazykoznaniya. Moscow, 1979, no. 1, pp. 103–113.
6. Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka. Moscow, 2004.

7. Krylov S.A. Kolichestvo kak ponyatijnaya kategoriya [Quantity as a conceptual category] // Logicheskij analiz yazyka. Kvantifikativnyj aspekt yazyka. Moscow, 2005, pp. 44–65.
8. Kryuchkova O.Yu. Reduplikaciya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation]. Saratov, 2000.
9. Miloslavskij I.G. Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza. Moscow, 1980.
10. Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremenном russkom yazyke [Semantics of intensity and its expression in the modern Russian language] // Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury. St. Petersburg, 2005, pp. 150–168.
11. Rodionova S.E. Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij [Intensity and its place among other semantic categories] // Slavyanskij vestnik. Vyp. 2. M., 2004, pp. 300–313.
12. SSLARYA = Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremenного russkogo yazyka (sost. V.V. Lopatin, I.S. Uluhanov) [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, 2016.
13. Turanskij I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke [The semantic category of intensity in English]. Moscow, 1990.
14. TFG 1996 — Teoriya funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost' [Theory of functional grammar: Qualitativity. Quantification]. St. Petersburg, 1996.
15. Shejgal E.I. Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremenном anglijskom yazyke: Diss... kand. filol. nauk [Intensity as a component of word semantics in modern English]. Moscow, 1981.
16. Shishikina A.A. Aktivnye processy sovremenного slovoпроизводства i ih otrazhenie v tekstah SMI [Active processes of modern word production and their reflection in mass media texts] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 2, 2010, pp. 302–307.
17. Shcherbakov S.V. O meste reduplikacii v yazykovoj structure [On the place of reduplication in language structure] // Leksiko-frazeologicheskie issledovaniya russkogo yazyka. Frunze, 1982.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 20.06.2025

Received 10.06.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 20.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Евгения Владимировна Скачкова — преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; evgeniyaska4kova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Skachkova — Lecturer at the Department of Russian for Foreign Students of Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; evgeniyaska4kova@yandex.ru